

Научная статья
УДК 81'1
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_153
EDN: KQXSDB

Эмотивность ценностных смыслов художественного текста: прагматика декодирования

Анна Ивановна Трубкина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и русского языка института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет. 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42
aitrub-kina@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2375-1133>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению эмотивности художественного текста и ее роли в формировании ценностно-смыслового пространства. Цель статьи состоит в выявлении эмотивных конститuentов ценностных смыслов, обуславливающих целостность художественного текста. Вербализации эмоций в художественном тексте способствуют такие ситуации, описываемые в нем, которые по природе своей эмоциогенны: таковы прецедентно эмотивные ситуации, ситуации реализации категории «ненормь», а также ситуации, актуализирующие эмоциональные состояния. В процессе исследования установлено, что фактически все такие ситуации являются основанием для возникновения ценностно значимых смыслов, декодируемых читателем в процессе реализации перлокутивной функции эмотивности. Определено, что эмотивность способствует активизации онтологических идей, объективированных в метасмыслах художественного текста и трансформирующихся в «вечные» темы мировой литературы. Анализ функционирования эмотивности в тексте повести А. П. Чехова «Черный монах» позволил установить, что вектор развития действия направлен от портретных и пейзажных описаний к событийности и поступкам персонажей. Маркеры эмотивности представлены в чеховском тексте прямыми номинациями чувств, а также лексемами и лексическими сочетаниями, эмотивными контекстуально. Частотна и соотнесенность ценностно окрашенных эмотивов с интерпретацией ситуаций самим героем. Уточнение ценностных смыслов в процессе восприятия текста читателем амбивалентно: чувства героя и читателя прямо противоположны, потому что персонаж не чувствует опасности своей болезни. Перлокутивный эффект проявляется в тексте А. П. Чехова и тогда, когда языковые и текстовые средства не эмотивны по своей природе: так происходит потому, что ценностно-смысловое пространство художественного текста континуально в дискретности репрезентации маркеров эмотивности.

Ключевые слова: эмотивность; художественный текст; маркеры эмотивности; перлокутивный эффект; ценностно-смысловое пространство; «Черный монах»; А. П. Чехов

Для цитирования: Трубкина А. И. Эмотивность ценностных смыслов художественного текста: прагматика декодирования // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 153–160. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_153. <https://elibrary.ru/KQXSDB>

Original article

Emotiveness of value semantics in literary text: decoding pragmatics

Anna I. Trubkina

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of language theory and the russian language, Institute of philology, journalism and intercultural communication, Southern federal university. 344006, Rostov-on-Don, B. Sadovaya st., 105/42
aitrub-kina@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2375-1133>

Abstract. The article focuses on considering the emotiveness of literary text and its role in forming value-semantic space. The aim of the article is to identify the emotive constituents of value meanings that determine the integrity of a literary text. Verbalization of emotions in a literary text is facilitated by such situations described in it that are emotional by nature: these are precedent emotive situations, situations realizing the category «abnormality», as well as situations that actualize emotional states. In the course of the research, the author finds that virtually all such situations are the basis for emerging value-significant meanings decoded by the reader while realizing the perlocutionary function of emotiveness. It is determined that emotiveness contributes to the activation of ontological ideas objectified in meta-

meanings of a literary text and transformed into «eternal» themes of world literature. Analyzing the emotiveness functioning in A. P. Chekhov's story «The Black Monk» the author has established that the vector of action development is directed from portrait and landscape descriptions to events and characters' actions. Emotiveness markers in Chekhov's text are direct nominations of feelings, as well as lexemes and word combinations that are contextually emotive. The correlation between value-based emotives and the interpretation of situations by the hero himself is also frequent. Clarification of value semantics in the text perception by the reader is ambivalent: the character and the reader's feelings are directly opposite because the character does not feel the danger of his illness. The perlocutionary effect is evident in A. P. Chekhov's text even when linguistic and textual means are not emotive by nature: this happens so because the value-semantic space of literary text is continual in its discreteness of emotive markers representation.

Key words: emotiveness; literary text; markers of emotiveness; perlocutionary effect; value-semantic space; «The Black Monk»; A. P. Chekhov

For citation: Trubkina A. I. Emotiveness of value semantics in literary text: decoding pragmatics. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(4):153–160. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_153. <https://elibrary.ru/KQXSDB>

Введение

Последние десятилетия ознаменованы усиливающимся интересом гуманитарной науки к эмоциям человека и их роли в различных сферах общения и деятельности, при этом ни теория текста, ни теория коммуникации пока не накопили достаточного количества знаний в области изучения реализации и маркирования эмоций посредством языка. Определяющим остается здесь тезис о первичности не Слова, но Эмоции: первичные и вторичные номинации изначально основаны на эмоциях и их функционировании.

Проблематика вербализации эмоций является уже традиционной в науке о языке, и в этих координатах эмотивная семантика языковых единиц осмысливается как релевантная обобщающей функции сознания. Когнитивная лингвистика признает аксиоматичным постулат об эмоциях как о структурообразующем факторе языковой личности. Результаты естественно-научных исследований свидетельствуют также и о том, что вся деятельность человека, а не только его речь, сопряжена с эмоциональной сферой. Язык вербализует эмоции человека как фрагмент объективной реальности, но и участие самих эмоций в формировании языковой картины мира бесспорно [Abdel-Raheem, 2020]. Языковая личность выступает в качестве активного субъекта отражения действительности, использующего в качестве средства отражения язык. В таком ракурсе рассмотрения эмоции представляют собой форму воплощения оценочности, иными словами – семантической интерпретации мира.

Очевидно, что высказывания всегда эмоционально окрашены, а лексика любого языка потенциально эмотивна. Вербализация эмоций происходит лишь на основании таких оценок, которые являются результатом обобщенного опыта, значимого для лингвокультурного кол-

лектива, то есть это эмоции видовые, они характерны не только для отдельной языковой личности [Водяха, 2012, с. 79]. Эмоции, коррелируя с действительностью, представляют собой «внутренние сигналы», вызываемые конкретной ситуацией в сознании индивида. Сформировавшееся в процессе накопления опыта позитивное или негативное отношение к ситуациям претерпевает перенос на другие, сходные по своим характеристикам ситуации, что обуславливает, в конечном счете, и присвоение им соответствующего языкового знака с конкретными прагматическими свойствами [Foolen, 2019], фиксируя фактически формирование эмотивного кода. Эмотивность последовательно изучается как лингвистическая [Султанова, 2023] и функциональная [Абдулкаримова, 2022] категория, параметрируются разноразличные средства эмотивности в разных типах дискурса и текста [Крутова, 2020; Моисеева, 2021; Сюткина, 2022], в том числе, и художественном тексте [Полева, 2021]. Особое место в изучении эмотивного кода занимает выяснение функционального статуса и эмоциогенности метафоры [Di Paola, 2020; Genovesi, 2020].

Методы исследования образуют целостный комплекс в применении к художественному тексту: приоритетными являются метод моделирования (при анализе маркеров персонажной эмотивности в художественном тексте), метод лингвистической интерпретации (при выявлении ценностных смыслов художественного текста в аспекте онтологической тематики), компонентный и контекстуальный анализ (при уточнении прагматического потенциала эмотивности в художественном тексте).

Результаты исследования

В процессе общения эмоция подвергается кодированию, что трансформирует ее в экспрессию, восприятие обнаруживает обратный про-

цесс – декодирование экспрессии позволяет выявить эмоцию, составившую ее основания. Из этого закономерно следует, что экспрессивность характеризуется перлокутивной функцией, тогда как эмоциональности эта функция не свойственна [Тошович, 2006, с. 318–319]. Особое место в научной парадигме современной лингвистики занимает проблематика терминологического разграничения [См.: Холодионова, 2020], что позволяет уточнить определение эмотивности, трактуемой как вербализация эмоций. Очевидно, что эмотивность – это эмоции, прошедшие этап кодирования посредством языка. Эмотивности свойственна перлокутивная функция, а эмоциональность, включающая также неосознаваемые эмоции [Тошович, 2006, с. 319], шире, чем лингвистическая категория эмотивности. В этой связи Г. В. Колшанский указывает, что «чисто чувственный компонент многоуровневого сознания человека относится к области, недоступной для лингвистического анализа, так как эта область реализуется не в языковом воплощении, а в различных физиологических и психических формах, которые являются предметом изучения соответствующих наук, а не языкознания» [Колшанский, 2005, с. 142–143].

Возникновение эмоций и, как следствие, их вербализация обуславливаются определенными типами ситуаций [Ионова, 1998, с. 37]. Среди них выделяют, прежде всего, прецедентно эмотивные, базирующиеся на функционировании в коммуникации прецедентных феноменов – таких разноуровневых явлений, которые известны членам конкретного лингвокультурного коллектива и включены в общее когнитивное пространство участников общения [Красных, 1997, с. 63]. К феноменам, способным выступать в качестве основания прецедентно эмотивных ситуаций, относят и так называемые мотивационные модули – «импульс для создания эмоционального возбуждения» [Телия, 1991], включающий также социологизированный аспект чувства, который «связывает чувство с социальным компонентом картины мира данного языкового коллектива, переводит интерперсональное взаимодействие мира и человека во взаимодействие межличностное» [Телия, 1991, с. 60]. В процессе исследования эмотивности текста и дискурса выявлены такие универсальные темы, которые способны вызвать эмоции независимо от конкретных контекстов (смерть, опасность, власть, секс, хаос, любовь) [Кнееркенис, 1994–1995, с. 128]. Кроме того, выделяют и ситуации, которые определя-

ются категорией «ненормы». Категория языковой и смысловой нормы обуславливает передачу в тексте интеллектуальной информации, тогда как категория «ненормы» ответственна за транслирование эмоциональной информации, при этом такая «ненормативность» связана с «ложностью» этой информации в отношении смысла текста [Болотов, 1981, с. 19]. Эмотивность содержания текста обуславливается «ненормой» следующих видов отношений субъекта, объекта и действительности: человек – вселенная, человек – природа, человек – пространство и время, деятельность человека и его возраст, мотив – деятельность, действие – цель, характер субъекта – его деятельность и т. п. [Болотов, 1981, с. 23–38]. Также выделяют ситуации, которые эксплицируют эмоциональные состояния, отличие которых от ситуаций, вызывающих конкретное состояние, определяется дифференциацией «предмета описания как объективного явления и как субъективного чувства» [Ионова, 1998, с. 40]. Именно поэтому и Ю. С. Степанов, подвергая концепт «радость» анализу на материале русского языка, различает два аспекта: «а) радость как ощущение, внутреннее чувство и б) радость как то, что даёт повод для данного ощущения» [Степанов, 1997, с. 303]. Последнее – это демонстрация эмотивной ситуации, а первое – раскрытие самой ситуации, обнаруживающей оттенки конкретного переживания.

Эмотивность художественного текста имеет в своей основе общности тезаурусов, фоновых знаний адресанта и адресата текста: автором совершается отбор таких тем, которые должны быть понятны читателю на основании его бытового и духовного опыта, особенностей его эмоциональности и способны вызвать у адресата текста эмоциональный отклик [Ионова, 1998, с. 145]. Эта тематика, которая обусловлена прецедентными эмоциональными ситуациями, играет важную роль в формировании эмотивности ценностно-смыслового пространства художественных текстов. Отметим в этой связи, что «эмотивность в художественном тексте продуцируется на основании различного рода ассоциаций, которые автор ожидает от читателя. Лексемы и лексические сочетания оказываются связанными с другими компонентами текстами, «погружены» в них, что формирует импликационный художественный текст. Разумеется, автор опирается в этом случае и на эмпирический, и на духовный опыт читателя, поскольку стандартные, нормативные на первый взгляд сочетания

приобретают «неожиданные» смыслы, продуцируя эмотивный код целостного художественного текста» [Трубкина, 2022, с. 108].

Эмотивность рассматривается, прежде всего, как проявление субъективности [Шаховский, 1987, с. 4], однако в отношении ценностно-смыслового пространства художественного текста целесообразно судить о ней в парадигме филологической герменевтической интерпретации как об «интерсубъективности», которая позволяет обнаружить связи индивидуального и социального в восприятии и освоении мира [См.: Мерло-Понти, 1999, с. 19; Богин, 2001]. При этом классическое определение эмотивности, данное В.И. Шаховским, не теряет своей актуальности: эмотивность – это способность языковых средств выражать эмоции [Шаховский, 1987, с. 5]. Однако направление исследований, в рамках которого эмотивность понимается как один из определяющих компонентов интерсубъективности, позволяет уточнить коммуникативно-прагматический статус художественного текста и выявить специфику эмотивности в таких текстах, в которых авторское отношение к персонажам имплицитно либо не актуализировано вовсе.

В повести А. П. Чехова «Черный монах» (1893, первая публикация – 1894) разнообразно репрезентированы маркеры эмотивности, при этом подчеркнем, что мы намеренно остановили свой выбор именно на этом художественном тексте: при практически полном отсутствии авторской эмотивности в нем эмоции персонажей представлены эмотивами, принадлежащими различным языковым и текстовым уровням, что позволяет автору создать целостное ценностно-смысловое пространство вне проявления собственной оценочности и, как следствие, избегая назидательности. Очевидно, что такая прагматическая направленность художественного текста обуславливает перлокутивный эффект эмотивности и позволяет автору опираться на фоновые знания читателя. Кроме того, в этом художественном тексте представлены все три основных типа эмотивных ситуаций – прецедентно эмотивные, основанные на функционировании категории «ненормы» и объективирующие эмоциональные состояния.

А. П. Чехов закономерно отводит одно из центральных мест в своей повести пейзажу, так как восприятие природы сквозь призму эмоций персонажей дает возможность читателю сопоставить собственные впечатления, полученные эмпирически, в объективной реальности, с ре-

зультатами воздействия художественного мира на собственное восприятие и теми чувствами, которые вызывает та или иная природная картина у самого персонажа, например: «около самого дома, во дворе и в фруктовом саду, который вместе с питомниками занимал десятин тридцать, было весело и жизнерадостно даже в дурную погоду» [Чехов]. В приведенном контексте маркерами эмотивности являются лексемы *весело* и *жизнерадостно*, которые создают особое восприятие всей усадьбы Песоцких, к которым приехал погостить главный герой повести – магистр Коврин. Представляется, что индивидуально-авторская антитеза *весело и жизнерадостно – в дурную погоду* продуцирует необходимый фундамент для восприятия топоса усадьбы как микромоделей рая на земле и отсылает читателя к вечным онтологическим темам.

Именно внутренняя речь Коврина, окрашенная эмоционально, представлена и в следующем контексте: «Весна была еще только в начале, и самая настоящая роскошь цветников пряталась еще в теплицах, но уж и того, что цвело вдоль аллей и там и сям на клумбах, было достаточно, чтобы, гуляя по саду, почувствовать себя в царстве нежных красок, особенно в ранние часы, когда на каждом лепестке сверкала роса» [Чехов]. Сопоставление читателем собственных фоновых знаний и того, что чувствует в этот момент главный герой, дает возможность создания необходимого эмоционального эффекта: автор добивается ощущения предчувствия счастья в жизни персонажа, что ему особенно необходимо, ведь первое предложение в тексте повести «Андрей Васильич Коврин, магистр, утомился и расстроил себе нервы» [Чехов] лишь ненадолго настораживает читателя, чтобы затем предоставить возможность развиваться некой двойственности восприятия происходящего с героем. Читатель довольно длительное время не догадывается о том, что Коврин душевно болен, что черный монах является признаком этой прогрессирующей душевной болезни, а вовсе не символом гениальности персонажа.

Однако первоначально ничто не предвещает трагического финала: автор передает восприятие героем пейзажей так, что читатель вполне может увериться в нормальности, в душевном здоровье Коврина, например: «Деревья тут <в коммерческом саду Песоцкого> стояли в шашечном порядке, ряды их были прямы и правильны, точно шеренги солдат, и эта строгая педантическая правильность и то, что все деревья были одного

роста и имели совершенно одинаковые кроны и стволы, делали картину однообразной и даже скучной» [Чехов].

Интересно, что текст повести обнаруживает композиционный вектор, направленный от изображения внешнего мира к внутреннему, но так происходит вовсе не потому, что А. П. Чехов следует ставшим традиционными принципам организации архитектоники произведения: напротив, осуществляя именно такую траекторию развития действия, автор показывает, как Коврин постепенно фокусируется исключительно на собственном внутреннем мире, не находя для проверки собственных эмоций каких-либо внешних ориентиров. Главный герой повести как бы «уходит в себя», но происходит это постепенно. Так, в анализируемом тексте портреты тоже эмотивны, например: «Ее <Тани Песоцкой> широкое, очень серьезное, озябшее лицо с тонкими черными бровями, поднятый воротник пальто, мешавший ей свободно двигать головой, и вся она, худощавая, стройная, в подобранном от росы платье, умиляла его» [Чехов]. Восприятие героем внешности Тани манифестировано посредством ряда атрибутивов различной частеречной принадлежности (прилагательными *широкое, серьезное, с тонкими, черными, худощавая, стройная* и причастиями *озябшее, поднятый, мешавший, в подобранном*), завершаясь в предложении обозначением конкретного чувства – эмотивность маркирована здесь глаголом *умиляла*.

Постепенно герой перестает замечать красивые пейзажи, людей; автор зачастую прибегает к антропоморфной метафоре с тем, чтобы акцентировать внимание читателя именно на сосредоточенности персонажа на самом себе даже в ситуации восприятия окружающего мира: «Не замечая роскошных цветов, он погулял по саду, посидел на скамье, потом прошелся по парку; дойдя до реки, он спустился вниз и тут постоял в раздумье, глядя на воду. Угрюмые *сосны* с мохнатыми корнями, которые в прошлом году видели его здесь таким молодым, радостным и бодрым, теперь *не шептались*, а стояли неподвижные и *немые, точно не узнавали его*. И в самом деле, голова у него острижена, длинных красивых волос уже нет, походка вялая, лицо, сравнительно с прошлым летом, пополнило и побледнело» [Чехов]. В контексте выделены курсивом метафора (*сосны не шептались, немые*) и сравнение (*точно не узнавали его*) позволяют читателю корректно интерпретировать происходящее в душе героя через призму

персонажной оценочности и эмотивности, что подтверждается и восприятием самим героем собственной внешности (*голова у него острижена, длинных красивых волос уже нет, походка вялая, лицо, сравнительно с прошлым летом, пополнило и побледнело*). Представленный в контексте портрет подчеркивает состояние нездоровья героя, его неудовлетворенность собой, что ориентирует читателя на формулирование основных смыслов художественного текста, имеющих ценностный характер.

Прекрасная реальность, пусть и часто обыденная в своих проявлениях, постепенно вытесняется в сознании Коврина болезненной фантазией о черном монахе. Первоначально он пересказывает Тане слышанную им где-то легенду, и спустя очень непродолжительное время черный монах начинает являться ему, эти галлюцинации учащаются. Автор дает портрет черного монаха, безусловно, с точки зрения самого героя: «Монах в черной одежде, с седою головой и черными бровями, *скрестив на груди руки*, пронесся мимо... Босые ноги его не касались земли. Уже пронесся сажени на три, он оглянулся на Коврина, *кивнул головой и улыбнулся ему ласково и в то же время лукаво. Но какое бледное, страшно бледное, худое лицо!* Опять начиная расти, он пролетел через реку, неслышно ударился о глинистый берег и сосны и, пройдя сквозь них, исчез как дым» [Чехов]. Представляется, что маркеры эмотивности в приведенном контексте (выделены курсивом) имеют ценностную окраску, а смыслы, возникающие в восприятии героем ситуации, закономерно образуют основу ценностно-смыслового пространства самого художественного текста, преобразуясь в восприятии читателя. Именно поэтому приподнятое состояние, радость, восторг, которые испытывает сам Коврин, диссонирует с тем, что чувствует читатель: не только настороженность в отношении нервного расстройства, но и предвосхищение надвигающегося сумасшествия – вот то, что обнаруживается в единстве ценностных смыслов художественного текста.

Разумеется, сам герой не ощущает приближения этой беды, что фиксируется и в следующем контексте: «Однажды монах явился во время обеда и сел в столовой у окна. Коврин обрадовался и очень ловко завел разговор с Егором Семенычем и с Таней о том, что могло быть интересно для монаха; черный гость слушал и приветливо кивал головой, а Егор Семеныч и Таня тоже слушали и весело улыбались, не подозре-

вая, что Коврин говорит не с ними, а со своей галлюцинацией» [Чехов]. Эмотивность в этом фрагменте маркирована и лексемами, обозначающими эмоции напрямую (*обрадовался, интересно, приветливо, весело*), а также лексемами и лексическими сочетаниями, характеризующими контекстуальной эмотивностью (*явился во время обеда, черный гость, не подозревая, с галлюцинацией*). В целом вполне можно говорить о том, что в этом текстовом фрагменте ориентация Коврина на внешний мир претерпевает радикальные изменения: он рассуждает только о том, что интересно его галлюцинации – черному монаху, а не живым людям, его близким, он и ориентируется, в первую очередь, только на эмоциональные проявления черного монаха, лишь походя отмечая для себя, что Таня и ее отец *тоже* слушают и весело улыбаются. Таким образом, можно утверждать, что постепенный отказ автора от пейзажных и портретных зарисовок, сменяющихся в тексте описанием действий героев, вовсе не свидетельствуют об объективности восприятия мира персонажем: напротив, он все чаще истолковывает поступки окружающих и события в собственной жизни через восприятие себя самого как гениальной натуры, внушенное черным монахом.

Акцентируя внимание читателя на мировосприятии героя, автор показывает процесс прогрессирования душевной болезни Коврина все чаще обращается и к собственно эмотивам – прямым номинациям чувств или описательным фрагментам, однако все они направлены на характеристику происходящего именно во внутреннем мире героя (маркеры эмотивности выделены в контекстах курсивом): «Когда он, *вялый, неудовлетворенный*, вернулся домой, всенощная уже кончилась» [Чехов]; «Он *почувствовал сильное раздражение* и, чтобы не сказать лишнего, быстро встал и пошел в дом» [Чехов]; «Опять им овладело *беспокойство, похожее на страх*, и стало казаться, что во всей гостинице кроме него нет ни одной души...» [Чехов].

Заключение

Возникновение эмоций и их вербализация имеют в своей основе реализацию нескольких типов ситуаций: таковы прецедентно эмотивные ситуации, ситуации, формирующиеся за счет категории «ненормы», ситуации, актуализирующие эмоциональные состояния. Анализ текста повести А. П. Чехова «Черный монах» выявил наличие в нем всех трех типов ситуаций, так или ина-

че представленных на всех языковых и текстовых уровнях. Прецедентно эмотивные ситуации в повести представлены темами смерти, опасности, смысла жизни и выбором, совершаемым героем между окружающим миром и замкнутостью на самом себе; ситуации «ненормы» сосредотачиваются вокруг душевной болезни героя, демонстрируя аномальность его отношений с обществом, близкими, эмоциональные состояния репрезентированы практически в каждом эпизоде анализируемого художественного текста. Автор последовательно отказывается от экспликации собственной оценки и избегает назидательности, что способствует возникновению перлокутивного эффекта эмотивности на основании фоновых знаний читателя.

Эмотивность, трактуемая не только как компонент лексического значения, но и как значимая характеристика набора языковых знаков позволяет осуществлять герменевтические процедуры в отношении ценностно-смыслового пространства художественного текста. Очевидно, что выявление и описание таких языковых знаков способствуют уточнению континуального статуса эмотивности в художественном тексте как целостном феномене. Иными словами, смысловая целостность художественного текста не может быть корректно исследована вне уяснения той важной роли эмотивных языковых единиц, которую они играют в коммуникации автора и читателя. Эмотивность в этой связи может быть охарактеризована как метасредство, основной функцией которого является формирование метасмыслов художественного текста, обладающих приоритетной ценностью для автора и читателя. Такие метасмыслы представляют собой совокупности ценностных смыслов, выражающих онтологические идеи и являющихся, в сущности, фундаментом так называемых «вечных» тем в мировой литературе – тем жизни и смерти, любви и ненависти, долга и чувства, космоса и хаоса, добра и зла, смысла жизни и пр.

А. П. Чехов постепенно в тексте повести «Черный монах» отказывается от пейзажных и портретных описаний, обращаясь к актуализации персонажного действия. Однако это не свидетельствует о том, что герой объективен в восприятии мира. По мере развития душевного недуга он все более замыкается в себе, интерпретируя поступки людей и события при опоре исключительно на восприятие собственной личности как гениальной, что внушено Коврину черным монахом. Маркерами эмотивности высту-

пают как прямые номинации чувств, так и лексем и лексические сочетания, приобретающие характеристики эмотивов в конкретных контекстах. Ценностно окрашенные эмотивы зачастую коррелируют с интерпретацией ситуаций самим героем, что продуцирует ценностно-смысловое пространство художественного текста. Ценностные смыслы уточняются в процессе восприятия текста, и читатель чувствует прямо противоположное тому, что ощущает герой: так, Коврина охватывает восторг, тогда как читатель должен, в соответствии с авторским замыслом, понимать, что герой душевно болен, и катастрофа, распад его личности неминуемы. Таким образом, ценностные смыслы художественного текста воздействуют на читательское сознание в нужном автору направлении именно за счет эмотивности художественного текста даже тогда, когда текстовые и языковые средства не являются эмотивами по своим лингвопрагматическим характеристикам.

Библиографический список

1. Абдулкаримова П. А. Эмотивность как одна из функциональных категорий языка // Инновационная наука. 2022. № 4–1. С. 36–37.
2. Богин Г. И. Обретение способности понимать : введение в филологическую герменевтику. Москва : Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 516 с.
3. Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности : (Основы эмотивной стилистики текста). Ташкент : Фан, 1981. 116 с.
4. Водяха А. А. Эмотивное пространство художественного текста // Грани познания. 2012. № 6 (20). С. 79–81.
5. Ионова С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема. Волгоград, 1998. 197 с.
6. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. Москва : КомКнига, 2005. 232 с.
7. Красных В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология, 1997. № 3. С. 62–76.
8. Крутова И. Н. Языковые средства выражения эмотивности в современной публицистике (на примере блогов и комментариев к ним) / И. Н. Крутова, М. В. Паршина // Гуманитарные исследования. 2020. № 1 (73). С. 62–66.
9. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия : пер. с фр. ; под ред. И.С. Вдовиной и Л.С. Фокина. Санкт-Петербург : Ювента : Наука, 1999. 605 с.
10. Моисеева А. В. Отражение эмотивности в тексте // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 71-4. С. 49–51.
11. Полевая А. И. Зависимость категории эмотивности от типа повествователя в художественном тексте // Science Time. 2021. № 3 (87). С. 11–15.
12. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры: Опыт исследования. Москва : Языки русской культуры, 1997. 824 с.
13. Султанова З. А. Эмотивность как лингвистическая категория // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 385–387.
14. Сюткина Н. П. Языковые средства актуализации эмотивности // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 2. С. 50–57.
15. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке : языковые механизмы экспрессивности. Москва : Наука, 1991. С. 36–66.
16. Тошович Б. Соотносительный круг экспрессивности // Славистика: синхрония и диахрония : сборник научных статей к 70-летию И. С. Улуханова / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; [ред. В. Б. Крысько]. Москва : Азбуковник, 2006. С. 315–326.
17. Трубкина А. И. Эмотивный код художественного текста: лингвопрагматический аспект // Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 5. С. 104–110.
18. Чехов А. П. Черный монах. URL: https://royallib.com/read/chehov_anton/cherniy_monah.html#0 (дата обращения: 05.09.2023).
19. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. 192 с.
20. Холодионова С. И. Категория эмоциональности в структуре слова: дифференциация понятий «эмоциональность», «оценочность», «экспрессивность», «эмотивность» в русском языке // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 1. С. 170–177.
21. Abdel-Raheem A. Mental model theory as a model for analysing visual and multimodal discourse. Journal of Pragmatics. Vol. 155: 2020. P. 303–320.
22. Di Paola S. Metaphorical developing minds: The role of multiple factors in the development of metaphor comprehension / S. Di Paola, F. Domaneschi, N. Pouscoulous // Journal of Pragmatics. Vol. 156: 2020. P. 235–251.
23. Foolen A. Quo vadis pragmatics? From adaptation to participatory sense-making // Journal of Pragmatics. Vol. 145. 2019. P. 39–46.
24. Genovesi C. Metaphor and what is meant: Metaphorical content, what is said, and contextualism. Journal of Pragmatics. Vol. 157: 2020. P. 17–38.
25. Kneepkens E. W. E. M. Emotions and Literary Text Comprehension / E. W. E. M. Kneepkens, R. A. Zwaan // Poetics. V. 23. 1994–1995. P. 125–138.

Reference list

1. Abdulkarimova P. A. Jemotivnost' kak odna iz funkcional'nyh kategorij jazyka = Emotiveness as a functional linguistic category // Innovacionnaja nauka. 2022. № 4–1. S. 36–37.

2. Bogin G. I. Obretnie sposobnosti ponimat' : vvedenie v filologicheskiju germenevtiku = Acquiring capacity to understand: an introduction to philological hermeneutics. Moskva : Psihologija i Biznes OnLajn, 2001. 516 s.
3. Bolotov V. I. Jemocional'nost' teksta v aspektah jazykovoj i nejazykovoj variativnosti : (Osnovy jemotivnoj stilistiki teksta) = Emotional text in terms of linguistic and non-linguistic variability: (Fundamentals of text emotive stylistics). Tashkent : Fan, 1981. 116 s.
4. Vodjaha A. A. Jemotivnoe prostranstvo hudozhestvennogo teksta = Emotive space of literary text // Grani poznanija. 2012. № 6 (20). S. 79–81.
5. Ionova S. V. Jemotivnost' teksta kak lingvisticheskaja problema = Text emotiveness as a linguistic problem. Volgograd, 1998. 197 s.
6. Kolshanskij G. V. Sootnoshenie sub#ektivnyh i ob#ektivnyh faktorov v jazyke = Correlation between subjective and objective factors in language. Moskva : KomKniga, 2005. 232 s.
7. Krasnyh V. V. Kognitivnaja baza i precedentnye fenomeny v sisteme drugih edinic i v kommunikacii = Cognitive basis and precedent phenomena in the system of other units and in communication / V. V. Krasnyh, D. B. Gudkov, I. V. Zaharenko, D. V. Bagaeva // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologija, 1997. № 3. S. 62–76.
8. Krutova I. N. Jazykovye sredstva vyrazhenija jemotivnosti v sovremennoj publicistike (na primere blogov i kommentarijev k nim) = Linguistic means of expressing emotiveness in modern journalism (based on blogs and comments to them) / I. N. Krutova, M. V. Parshina // Gumanitarnye issledovanija. 2020. № 1 (73). S. 62–66.
9. Merlo-Ponti M. Fenomenologija vosprijatija = Phenomenology of perception : per. s fr. ; pod red. I.S. Vdovinoj i L.S. Fokina. Sankt-Peterburg : Juventa : Nauka, 1999. 605 s.
10. Moiseeva A. V. Otrazhenie jemotivnosti v tekste = Expressing emotiveness in text // Tendencii razvitiija nauki i obrazovanija. 2021. № 71-4. S. 49–51.
11. Polevaja A. I. Zavisimost' kategorii jemotivnosti ot tipa povestvovatelja v hudozhestvennom tekste = Dependence of emotive category on the type of the narrator in a literary text // Science Time. 2021. № 3 (87). S. 11–15.
12. Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury: Opyt issledovanija = Constants: Dictionary of the Russian culture: Research experience. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1997. 824 s.
13. Sultanova Z. A. Jemotivnost' kak lingvisticheskaja kategorija = Emotiveness as a linguistic category // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2023. № 2 (99). S. 385–387.
14. Sjutkina N. P. Jazykovye sredstva aktualizacii jemotivnosti = Linguistic means for actualizing emotiveness // Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal. 2022. № 2. S. 50–57.
15. Telija V. N. Mehanizmy jekspressivnoj okraski jazykovyh edinic = Means of expressive coloring in linguistic units // Chelovecheskij faktor v jazyke : jazykovye mehanizmy jekspressivnosti. Moskva : Nauka, 1991. S. 36–66.
16. Toshovich B. Sootnositel'nyj krug jekspressivnosti = Correlative circle of expressiveness // Slavistika: sinhronija i diahronija : sbornik nauchnyh statej k 70-letiju I. S. Uluhanova / In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova RAN; [red. V. B. Krysko]. Moskva : Azbukovnik, 2006. S. 315–326.
17. Trubkina A. I. Jemotivnyj kod hudozhestvennogo teksta: lingvopragmaticheskij aspekt = Emotive code of literary text: linguopragmatic aspect // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2022. № 5. S. 104–110.
18. Chehov A. P. Chernyj monah = The Black Monk. URL: https://royallib.com/read/chehov_anton/cherniy_monah.html#0 (data obrashhenija: 05.09.2023).
19. Shahovskij V. I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoi sisteme jazyka = Categorizing emotions in the lexical-semantic language system. Voronezh : Izdvo Voronezh. gos. un-ta, 1987. 192 s.
20. Holodionova S. I. Kategorija jemocional'nosti v strukture slova: differenciacija ponjatij «jemocional'nost'», «ocenchnost'», «jekspressivnost'», «jemotivnost'» v russkom jazyke = The category of affectiveness in the word structure: differentiation of the concepts «emotionality», «evaluativeness», «expressiveness», «emotiveness» in the Russian language // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2020. № 1. S. 170–177.
21. Abdel-Raheem A. Mental model theory as a model for analysing visual and multimodal discourse. Journal of Pragmatics. Vol. 155: 2020. P. 303–320.
22. Di Paola S. Metaphorical developing minds: The role of multiple factors in the development of metaphor comprehension / S. Di Paola, F. Domaneschi, N. Pouscoulous // Journal of Pragmatics. Vol. 156: 2020. P. 235–251.
23. Foolen A. Quo vadis pragmatics? From adaptation to participatory sense-making // Journal of Pragmatics. Vol. 145. 2019. P. 39–46.
24. Genovesi C. Metaphor and what is meant: Metaphorical content, what is said, and contextualism. Journal of Pragmatics. Vol. 157: 2020. P. 17–38.
25. Kneepkens E. W. E. M. Emotions and Literary Text Comprehension / E. W. E. M. Kneepkens, R. A. Zwaan // Poetics. V. 23. 1994–1995. P. 125–138.

Статья поступила в редакцию 24.08.2023; одобрена после рецензирования 06.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 24.08.2023; approved after reviewing 06.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.